

Рун Гэ закончил излагать суть своего второго плана, и машина как раз выехала на ровную горную дорогу, что дало Цзян Чэньюэ возможность хоть немного перевести дух.

Сквозь темные очки Рун Гэ выглядел непринужденно. Его рука уверенно лежала на руле, он легко входил в повороты, мчась вперед под яркими лучами солнца. Солнечный свет, казалось, покрыл его слегка обнаженные в улыбке зубы дерзким, ослепительным блеском.

— Господин Цзян, ну как? Разве второй вариант не выглядит так, будто его создавали специально для нас?

Голова Цзян Чэньюэ была забита эхом того самого брутального голоса, который Рун Гэ только что изображал. Ему казалось, что его мимика, его душевное равновесие, его безупречные манеры и даже сама душа были разрушены — осталась лишь пустая оболочка, болтающаяся на этом серпантине.

Раз уж Рун Гэ так настаивал на ответе, он решил высказаться прямо. На дикий и эксцентричный рабочий план Рун Гэ Цзян Чэньюэ ответил всего четырьмя словами:

— Будь проще.

Рун Гэ получил первый серьезный удар по своей карьере. Оба плана, над которыми он так старательно корпел в первую неделю безделья, были отвергнуты Цзян Чэньюэ. К счастью, они уже были на полпути, времени оставалось в обрез, и у Цзян Чэньюэ не было иного выбора, кроме как потребовать упрощенную версию второго варианта.

Спустя почти три часа пути они прибыли на место съемок. Площадка располагалась на склоне горы, в живописном, хоть и малоизвестном месте. Сейчас был не сезон, туристов почти не было, что было очень удобно для съемочной группы фильма «Высший небожитель».

Издавек Рун Гэ через темные очки разглядел огороженную зону: бесчисленное количество оборудования и снующих туда-сюда членов съемочной группы создавали настоящий хаос, конца которому не было видно.

— Вижу их, вон там. Припаркую машину прямо здесь, отсюда пешком недалеко, — сказал Рун Гэ, крутанул руль и, нажав на газ, загнал машину в тень деревьев на парковке.

Лю Чаншэн, помощник режиссера, с самого утра ждал прибытия инвесторов. Увидев приметную машину, он сразу догадался, что приехал Цзян Чэньюэ. Когда из машины показалась высокая фигура, догадка превратилась в уверенность.

Лю Чаншэн поспешил навстречу с самой подобострастной улыбкой:

— Ой, господин Цзян, здравствуйте! Дорога была утомительной, верно?

Цзян Чэньюэ вежливо поздоровался в ответ и спросил:

— Как прошли утренние съемки? Все гладко?

Пока они обменивались любезностями, Рун Гэ небрежно снял темные очки.

— Все отлично, все идет по плану, — отрапортовал помощник режиссера. — Режиссер Чжан сейчас снимает сцену с Бай Юйли. Узнав, что вы приедете с проверкой, он заранее распорядился забронировать для вас отель.

Закончив, он перевел взгляд на Рун Гэ и, заметно удивившись, протянул руку для приветствия:

— А это, должно быть, тот самый секретарь Шуай? Имя полностью соответствует внешности!

Кто бы мог подумать, что секретарь господина Цзян может выглядеть настолько вызывающе: дорогое черное пальто, темные очки — на первый взгляд можно было подумать, что Цзян Чэньюэ привез на площадку какую-то кинозвезду!

Рун Гэ, улыбаясь, пожал ему руку, активно покачивая ладонями в воздухе:

— Я не секретарь Шуай. Он не смог приехать.

Как только эти слова прозвучали, рука помощника замерла.

— А? — опешил Лю Чаншэн.

Выходит, я ошибся именем, польстил не тому, а он все еще так радостно жмет мне руку?

Цзян Чэньюэ, наблюдая за этой сценой, почувствовал, как немеет мозг. Не желая смотреть, как они долго трясут друг другу руки, он решил вмешаться:

— Это мой телохранитель, Рун Гэ.

Услышав это, Лю Чаншэн облегченно выдохнул, и его взгляд на Рун Гэ мгновенно изменился. Что это за человек, если даже Цзян Чэньюэ называет его «брат»? Неудивительно, что он выглядит столь величественно, ведет себя так непринужденно и даже не обиделся, когда его называли чужим именем. Оказывается, он птица высокого полета.

Раз он не придавал значения ошибке, значит, статус позволяет. Отношение Лю Чаншэна тут же стало более почтительным, улыбка — еще шире, и он с удвоенной силой принялся трясти руку собеседника:

— Так вы брат Рун! Очень приятно!

Рун Гэ, который уже начал чувствовать, как у него немеет рука, искренне надеялся, что рукопожатие вот-вот закончится. Но после того, как Цзян Чэньюэ представил его телохранителем, помощник режиссера стал еще активнее. Рун Гэ не мог вырвать руку и был вынужден продолжать этот «танец».

Лю Чаншэн же, решив, что Рун Гэ проявляет к нему ответную симпатию, вкладывал в рукопожатие всю искренность. Только когда Цзян Чэньюэ предложил пройти на площадку, помощник наконец разжал пальцы.

Рун Гэ украдкой отошел в сторону и начал трясти затекшей рукой. Онемела. Рука действительно онемела.

На площадке, огороженной съемочной группой, было не протолкнуться. Поскольку шли съемки, вокруг царил тишина. Лю Чаншэн вел гостей к точке съемки, по пути докладывая обстановку.

— Мы уже на полпути, актеры в отличной форме, по самым скромным подсчетам, закончим съемки в феврале...

— В последнее время все сцены снимаете здесь? — уточнил Цзян Чэньюэ.

Лю Чаншэн дважды кивнул:

— Да, именно так.

Рун Гэ огляделся, перешагивая через кабели, змеящиеся по земле. Когда они подошли ближе, помощник замолчал — их внимание привлекли громкие звуки сражения.

— Ха!

— Хо!

— Хэ!

Бай Юйли с окровавленным лицом обернулся, встречаясь взглядом с убийцей. В белых одеждах, с распущенными волосами, он взмахнул мечом и толкнул противника рукой.

— Хорошо, снято! — крикнул режиссер Чжан. — Каскадера на площадку!

Дублер в точно таком же костюме выскочил на место Бай Юйли, продолжил движение, совершил эффектный прыжок с вращением на 360 градусов, уклонился от атаки и кончиком меча полоснул врага по руке.

— Плюх! — сработал бутафорский пакет с кровью.

Каскадер уверенно приземлился, продемонстрировав камере эффектную спину. Не успел он замереть, как режиссер снова махнул рукой:

— Смена! Бай Юйли! На позицию!

Это было впечатляюще. У Рун Гэ после увиденного возникла лишь одна мысль: просто невероятно.

Бай Юйли быстро занял место каскадера, тяжело дыша, развернулся, подставив камере профиль, и устремил полный ярости взгляд вслед убегающему врагу. Актер, играющий вторую роль, подбежал к нему и с силой хлопнул по плечу, тяжело дыша:

— Это ловушка, не преследуй его!

Бай Юйли, словно не слыша, с суровым выражением лица вглядывался в лес, куда скрылся убийца:

— Проклятье, он ушел... Если он еще раз посмеет показаться мне на глаза, я его не пощажу.

Второй актер промолчал, лишь подражая Бай Юйли, уставился вдаль. Возможно, боясь, что статичная картинка выглядит слишком неестественно, он сделал лицо еще мрачнее и громко сглотнул.

Рун Гэ, стоявший в стороне, едва сдерживал смех. У актера было такое лицо, будто он увидел впереди жареную курицу.

— Стоп! Снято! — проревел режиссер. — Перерыв, готовимся к следующей сцене!

Ассистенты тут же окружили звезд, вытирая пот и подавая воду. Бай Юйли заметил Цзян Чэньюэ еще раньше, но из-за съемок мог лишь украдкой бросать взгляды. Теперь, когда

камеры были выключены, он наконец осмелился посмотреть на него и застенчиво улыбнулся. Опустив глаза, он взял у ассистента салфетку, вытер пот и пробормотал благодарность.

— Ого, — выдохнул Рун Гэ.

Одного взгляда на эту улыбку хватило, чтобы понять: этот мальчик явно сохнет по Цзян Чэньюэ!

Цзян Чэньюэ остался невозмутим, зато обратил внимание на возглас Рун Гэ:

— Чего «ого»? Тоже хочешь подраться?

Рун Гэ хмыкнул, подозревая, что Цзян Чэньюэ действительно не замечает улыбки Бай Юйли:

— Неисправимый сухарь.

Цзян Чэньюэ не считал, что человек, который в машине орал «Я дикий телохранитель, дикий телохранитель — это я», может быть знатоком романтики.

Рун Гэ, видя, что ответа не будет, замолчал и лениво прислонился к стене, продолжая слушать отчет помощника. Этот Бай Юйли выглядел таким сдержанным и утонченным, даже улыбался так скромно. Вряд ли он представляет собой сложную цель.

Так подумал Рун Гэ. Но спустя пару секунд, сквозь шум разговоров, его чуткий слух уловил странные шаги.

Прыг.

Скок.

Прыг.

Скок.

Рун Гэ резко поднял голову и увидел, что Бай Юйли несется прямо к ним, радостно подпрыгивая. Волосы развевались, белые одежды летели, он выглядел счастливым, как привидение. Ничего общего с тем холодным и утонченным образом, что был секунду назад.

Оказывается, сдержанность — это лишь оболочка, а страсть — его истинная душа! Судя по скорости и траектории, он явно собирался наброситься на Цзян Чэньюэ!

В голове Рун Гэ сработала сирена. Он выпрямился, напряг мышцы, готовый к действию. Цзян Чэньюэ, слушая помощника, случайно взглянул на Рун Гэ и нахмурился. А в следующую секунду проследил за его взглядом и увидел бегущего к нему Бай Юйли.

В голове Цзян Чэньюэ всплыли планы Рун Гэ по метанию ядер и поднятию штанг, и он невольно выдохнул:

— Постой...

— Господин Цзян!

Бай Юйли, словно обезьянка, выскочившая из камня, подлетел к нему, но не успел договорить, как почувствовал невидимую преграду, толкнувшую его в грудь! Он замер, по инерции дернулся вперед, но сдвинуться не смог.

Бай Юйли опустил глаза. О, оказывается, это вполне осязаемая преграда — красавец рядом с Цзян Чэньюэ преградил ему путь рукой, заставив остановиться на расстоянии полшага.

Бай Юйли озадаченно моргнул: «?»

Чем он успел насолить этому парню? У мужчины перед ним было дерзкое и красивое лицо, рука, преграждавшая путь, казалась теплой и сильной, а сам он выглядел до невозможности небрежным и уверенным.

Видимо, заметив, что Бай Юйли перестал дергаться, парень сменил тактику: теперь он уперся в его грудь всего одним указательным пальцем. Кончик пальца давил прямо на сердце, заставляя его биться в бешеном ритме. Хотя одним пальцем невозможно было его оттолкнуть, мужчина играл роль так убедительно, что Бай Юйли невольно поддался и отступил на полшага.

Он поднял голову и, не мигая, уставился на Рун Гэ, ослепленный его харизмой.

— Вы...

— Привет, я телохранитель, нанятый господином Цзян, можешь звать меня Рун Гэ, — он выдал скоростную самопрезентацию, одновременно решительно оттолкнув звезду указательным пальцем и с самым серьезным видом начал нести чепуху: — Ветер здесь сильный, боюсь, твой холодный парик будет хлестать господина Цзян по лицу, так что я решил действовать на опережение. Ты не против?